

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

ется нам задачей научно-психологической по преимуществу. Но разрешению этой задачи должно быть с необходимостью предпослано историко-философское истолкование этого аспекта системы.

Третий - логико-дискурсивный - уровень присутствует в тексте с максимальной степенью полноты. Он представлен системой ключевых слов (технических терминов) и логико-семантических переменных. Интерпретация предметной области значений этого набора может быть осуществлена достаточно строго путем применения методики синхронных сопоставлений и диахронических экстраполяций. Эта методика основана на принципах системно-генетического подхода, для которого характерен отказ от конфессионального признака деления, поскольку буддизм не представлял замкнутой идеологической системы, а его идеи и философская проблематика могут быть поняты только в неразрывной связи с тем идеологическим фоном, на котором они сформировались.

И. Е. Петросян

К ВОПРОСУ О БОЕСПОСОБНОСТИ ТУРЕЦКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XVI В.

Говоря о периоде наивысшего политического могущества Османской империи, который приходится на время правления турецкого султана Сулеймана I (1520-1566), историки обычно имеют в виду исключительную военную мощь османского государства, делавшую возможными многочисленные территориальные завоевания этого султана. В период его правления созданная предыдущими турецкими правителями военная организация, включавшая в себя феодальную конницу, пехотное войско янычар, сильную артиллерию, конные части придворного войска на жалованье и различные вспомогательные подразделения, эффективно справлялась с достижением наступательных военных целей завоевательной политики султана. По-видимому, можно говорить о том, что еще в середине XVI в. административная система и социально-экономическая структура Османской империи соответствовали высокому уровню военной организации и могли обеспечивать ее нормальное функционирование.

При первых преемниках Сулеймана положение стало заметно меняться, что связано как с рядом внутривнутриполитических изменений в самом османском государстве, так и с внешнеполитическими причинами. В конце XVI в., казалось, была поколеблена военная мощь Османской империи, приостановлена ее экспансия. Завоевания Сулеймана обозначали собой пределы территориального продвижения турок

как на Западе, так и на Востоке, где им была противопоставлена растущая государственная и военная мощь австрийской империи Габсбургов и сефевидского Ирана. Последними крупными военными успехами турок были завоевания Кипра, Йемена, Адена, однако уже в этот период им пришлось пережить шок сокрушительного поражения при Лепанто, где в 1571 г. итало-испанской эскадрой был полностью уничтожен турецкий флот.

Серьезный удар по военному могуществу Османской империи был нанесен турецко-иранской войной 1578-1590 гг., потребовавшей колоссальных финансовых затрат и принесшей значительные потери в живой силе. Эта изнурительная военная кампания, длившаяся 12 лет, против открытия которой решительно возражал самый известный из великих везиров османского государства Мехмед Соколлу,¹ оказала деморализующее воздействие на турецкую армию. Заметное снижение дисциплинированности и боевого духа армии особенно наглядно продемонстрировала начавшаяся в 1593 г. австро-турецкая война, что выразилось прежде всего в невиданных до того масштабах уклонения турецких воинов от военной службы, воинской недисциплинированности, дезертирстве.

Уклонение от военной службы само по себе не было новым явлением в османской практике. Однако оно никогда не носило массового характера. После турецко-персидской войны 1578-1590 гг. правительство уже было вынуждено обратить особое внимание на состояние воинской дисциплины. В изданном летом 1593 г. султанском указе о походе в Венгрию воинам строжайше запрещалось уклоняться от военной службы под какими бы то ни было предлогами. Ослушавшимся указом грозили лишением дирликов, т.е. тимаров, зеаметов или жалованья.²

Не желавшие отправляться на войну имели между тем законные возможности для освобождения от похода. Первая из них - это объявление себя больным.³ В первую очередь ею могли пользоваться те, кто постоянно жил в провинции, вдали от столичных властей. Автор турецкого трактата о янычарском корпусе начала XVII в. сообщает, что многие янычары, расквартированные в провинции, получали у областных кадиев свидетельства о болезни за подписью местных нотаблей (аянов) и получали тем самым возможность не участвовать в походе.⁴ Большое число янычар в рассматриваемый период стремилось быть записанным в те разряды янычарского корпуса, для которых не предусматривалось непосредственного участия в походах. Тот же автор сообщает, что "зеленые юнцы" за взятку попадают в списки ветеранов (отураков) и спокойно занимаются ремеслом, получая жало-

ванье, но не принимая участия в боевых действиях.⁵

Столь же активным уже во время турецко-персидской войны 1578-1590 гг. было стремление освободиться от своих военных обязанностей и у турецких тимариотов, так что правительство было вынуждено, например, издавать специальное распоряжение о недопустимости и незаконности "отказа от дирликов во время войны".⁶

Известно также, что в конце XVI в. уже была распространена практика освобождения от похода за выкуп. В декабре 1594 г., т.е. вскоре после начавшейся войны турок с австрийцами, в государственной казне скопилось ⁷ млн. 250 тысяч акче, являвшихся выкупами за неучастие в походе.⁷ Сумма эта к концу войны росла, так как выкупы поступали в течение всей кампании по мере того, как к походу привлекались новые воинские контингенты.

Разумеется, существовали и просто обманные способы уклонения от похода, к которым прибегали, к примеру, янычары. Об этом пишет автор упоминавшегося уже сочинения о янычарском корпусе.⁸ Они вызывают особое неудовольствие у этого турецкого автора, так как лишают, по его мнению, казну законного дохода.⁹

Во время военных кампаний конца XVI в. турецкое войско недосчитывало тысяч своих воинов, призванных на поле битвы. Так, Мустафа Селяники сообщает, что из 5 тысяч янычар, которые должны были принять участие в сражении с соединенным войском Трансильвании и Венгрии, пришедшим на помощь восставшей против турецкого господства Валахии, в сентябре 1595 г. на поле боя явилось менее тысячи янычар.¹⁰ А из 15 тысяч янычар, призванных в летнюю кампанию 1597 г., на месте военных действий оказалось только 3 тысячи.¹¹ И это несмотря на то, что в конце июня 1597 г. были изданы строжайшие указы султана об обязательном выступлении в поход всех призванных. Ослушавшимся грозили смертной казнью.¹²

Вместе с тем многие турецкие воины, даже явившись на театр военных действий, находили способы освободиться от военной службы. Военачальники-бейлербеи, например, отпускали домой тимариотов и займов, взимая с них по 5 алтунов с каждой тысячи дохода их тимаров и зеаметов.¹³ Многие воины, как из придворного, так и из феодального войска сипахи, самовольно покидали армию, что особенно ярко проявилось во время той же турецко-австрийской войны 1593-1606 гг. В этот период дезертирство получило столь широкое распространение, что в правительственном указе, изданном в июле 1595 г. о защите крепости Эстергом, специально упоминалось о недопустимости бегства воинов с места военных действий.¹⁴ Особо большое число дезертиров из числа тимариотов и займов обнаружила

проверка 1596 г., произведенная во время осенней военной кампании 1596 г., в которой принял участие сам султан.¹⁵

Таким образом в конце XVI в. османское правительство располагало далеко не той сильной своей дисциплиной и организованностью армией, какую еще в середине XVI в. имел в своих руках турецкий султан Сулейман I. Особенно ошутимо на эффективности турецкого войска сказалось уклонение от военной службы янычар. Известно, что в армиях Европы именно в этот период значительное внимание уделялось организации сильной пехоты. Одновременно в последней четверти XVI в. заметно активизировались военные действия Габсбургов, цель которых состояла в отвоевании захваченных турками территорий. Коренным образом менялся при этом основной вид стратегических действий турок - от наступления они вынуждены были переходить к обороне. Кроме того, учитывая широко развернувшуюся деятельность Габсбургов по укреплению старых и возведению новых крепостей в пограничных с турками областях, следует отметить, что в рассматриваемый нами период все большее значение на европейском театре военных действий приобретала борьба за крепости, постепенно заменявшая собой прежние грандиозные сражения враждующих армий на открытой местности. В этих условиях любая дезорганизация в войске турок, особенно в янычарской пехоте, не могла не сказаться на их военных успехах. Турецко-австрийская кампания 1593-1606 гг. явилась первой военной экспедицией, в которой турки столь многократно проигрывали сражения своему противнику. Во время этой войны едва не попал в плен осенью 1596 г. султан Мехмед III (1595-1603).

Трудности с комплектованием войска, уменьшение его реальной численности, утрата его былой организованности порождались целым рядом социально-экономических факторов, характерных для развития османского государства во второй половине XVI в. Рассмотрение их не входило в задачу настоящего научного сообщения. Важно подчеркнуть лишь, что последние две войны турок в конце XVI в. продемонстрировали уменьшившуюся боеспособность турецкой армии, которая была в значительной степени связана с массовым уклонением турецких воинов от своих военных обязанностей.

-
1. İ.N.Uzuncarşılı. Osmanlı tarihi. Cilt 3. Bölüm I. Ankara, 1951, s. 52.
 2. Мустафа Селяники. Тарих. Рукопись из коллекции ЛО ИВ АН СССР. Шифр С 565, л. 150а.
 3. Das Aşafname des Lutfi Pascha nach den Handschriften zu Wien, Dresden und Konstantinopel zum ersten Male herausgegeben und

ins Deutsche übertragen von Dr. Rudolf Tschudi. - "Türkische Bibliothek". B. 12. Berlin, 1920, S. 31.

4. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи. Рукопись из коллекции ИО ИВ АН СССР. Шифр А 249, л. 576, 62а.
5. Там же, л. 54а, 65а.
6. M.Akdağ. Celâli isyanları (1550-1603). Ankara, 1963, s. 133.
7. Мустафа Селяники. Тарих, л. 192а.
8. Мебде-и канун-и ..., л. 576-58а.
9. Там же, л. 576.
10. Мустафа Селяники. Тарих, л. 234а.
11. Там же, л. 326а.
12. Там же, л. 316а.
13. Там же, л. 254б.
14. Там же, л. 229а.
15. M.Akdağ. Celâli isyanları, s. 188.

А.Р.Петросян

О ТЕРМИНЕ ЗУХД

Термин зухд - одно из главных понятий мусульманского "благочестия" - имеет в различных контекстах (традиционалистско-суннитском, суфийском, бытовом) разное содержание. Наиболее разработано это понятие в суфизме, техническим термином которого, обозначающим необходимый этап мистического пути оно является. Большое значение придается зухду и ханбалитами, представляющими наиболее яркое традиционалистское направление суннизма.¹

Термин зухд (от араб. глагола захада "воздерживаться", "отказываться") означает "воздержание", "отречение", а образованное от того же корня причастие захид (мн.ч. зухад, захидуна) - "воздерживающийся", "отказывающийся" (Коран 21:20). На русский язык зухд часто переводится как аскетизм, а захид соответственно как аскет.

В советском исламоведении понятие зухд не получило отдельного освещения. Е.Э.Бертельс и И.П.Петрушевский, опираясь на исследования западных исламоведов, в своих общих работах лишь упоминали раннее аскетическое движение как среду, из которой развился суфизм, отмечая крайнюю скупуплезность (вара') ранних аскетов в различении дозволенного (ал-халаал) и запретного (ал-харам).²

Большинство западных исламоведов (Л.Массиньон, Р.Никольсон,